

Rossiiskaia istoriia. 2013-2022

ISSN 0869--5687

URL - <http://russian-history.ru>

All right reserved

Issue 4 Volume . 2020

«In the great book about the history of our homeland B.D. Grekov entered many bright pages»

Vitaliy Tikhonov

*Institute of Russian History, RAS; Russian State University for the Humanities
Russian Federation, Moscow*

Abstract

Keywords list (en):

Date of publication: 07.09.2020

Citation link:

Tikhonov V. «In the great book about the history of our homeland B.D. Grekov entered many bright pages» // Rossiiskaia istoriia. – 2020. – Issue 4 С. 214-218 . URL: <https://russian-history.ru/s086956870010789-8-1/> DOI: 10.31857/S086956870010789-8

1 На заседании Института истории АН СССР 3 апреля 1943 г. по случаю присуждения Б.Д. Грекову Сталинской премии выступил известный ленинградский историк И.И. Смирнов, который, среди прочего, заявил: «В великую книгу об истории нашей родины Б.Д. Греков вписал немало ярких страниц». Конечно, стоит учитывать присущую торжественному моменту патетику. Однако представляется, что эта фраза вполне отражает статус героя рецензируемой публикации и его значение для истории отечественной исторической науки.

2 При этом, как ни парадоксально, среди её классиков Греков остаётся одной из самых загадочных фигур. Ряд статей и апологетическая биография, написанная Н.А. Горской¹, не меняют общей картины и не позволяют до конца понять его место и роль в исторической науке первой половины XX в. Одни смотрят на него как на наследника и продолжателя дела дореволюционной историографической традиции, другие – как на символ конформизма, капитуляции академической среды перед партаппаратом, третьи видят благородного человека, вынужденного в непростое время идти на компромиссы ради спасения науки. Разброс оценок определяется не только личностными особенностями, жизненным опытом и разными исследовательскими ракурсами, под которыми

рассматривается фигура Грекова, но и острым дефицитом документов, позволяющих понять его как личность. Кроме того, такие источники позволили бы уяснить многие важные нюансы ключевых событий в истории науки сталинской эпохи, учитывая статус учёного как одного из руководителей «исторического фронта» (как любили говорить в 1930–1940-х гг.). Небольшой личный фонд Грекова сформирован совсем недавно и до сих пор к нему нет доступа исследователей. Вот почему любые публикации касающихся его документов вызывают неподдельный интерес.

3 Публикацию писем Грекова подготовил известный археограф В.Г. Бухерт. Книга прекрасно вписывается в серию его изданий эпистолярного наследия известных историков советского времени (например, не так давно вышла переписка Н.М. и Е.И. Дружининых²).

4 Перед нами сборник из 309 писем, охватывающих период 1905–1952 гг. Они выявлены в 12 московских и петербургских архивохранилищах – и проделанная работа впечатляет. В силу объективных причин – Греков небрежно относился к своему архиву, – говорить о полноте сохранности его эпистолярного наследия не приходится, поэтому письма пришлось собирать буквально по крупицам. Но даже в таком виде они дают многое для понимания биографии историка.

5 Документы выстроены по хронологическому принципу. В случае если источники уже публиковались, это указано в легенде. Спорным представляется решение отказаться от публикации ответных писем корреспондентов учёного. Учитывая вышесказанное, логично предположить, что их не так уж и много. Выбранный подход нарушает главную характеристику переписки как источника – её диалогичность, превращает издание в своеобразный (пусть и чрезвычайно интересный) монолог, контекст которого не всегда ясен, хотя в ряде случаев этого можно было избежать. Такое решение Бухерт объясняет нежеланием нарушать принцип издания. Однако монолитность принципов издания все равно нарушают приложения, включающие самые разные виды источников. В книгу не попали (о чём указано в предисловии) ответные письма С.Б. Веселовского, при этом письма Д.М. Петрушевского (публиковавшиеся в упомянутой монографии Горской) оказались в разделе Приложение. Всё это выглядит несколько странно. Может быть, имело смысл отказаться от ряда приложений и всё же включить выявленные корреспонденции полностью? Необходимо отметить и то, что не учтена публикация письма Грекова (от 14 февраля 1942 г.) известному специалисту по истории древности А.Б. Рановичу³.

6 Как бы то ни было, опубликованные письма позволяют реконструировать важные факты интеллектуальной биографии учёного. Письма 1900–1910-х гг. раскрывают круг наставников-патронов тогда ещё начинающего историка: Д.М. Петрушевского, С.Ф. Платонова и С.Д. Шереметьева⁴. Последний сыграл особую роль в его судьбе. Их познакомил Платонов и именно Шереметьев, видимо, стал главным патроном молодого учёного, помогая ему в начале академической карьеры⁵, которая складывалась достаточно успешно. Судя по письмам, отношения Грекова со старшими товарищами были достаточно близкими – он мог поведать им о своём эмоциональном состоянии и даже исповедоваться (см. письмо № 46 Шереметьеву).

7 Публикация дает немало материала и для понимания неофициальной стороны жизни корпорации историков начала XX в. Например, в ней отразилось скрытое противостояние между «всеобщниками» (специалистами по европейской истории) и «русистами» (специалистами по истории отечественной). Так, 26 декабря 1913 г. Греков писал Платонову из Варшавы: «Погибаем без Вас, Сергей Фёдорович! Обижают на Курсах (Высших женских курсах. – В.Т.) русскую историю, и вступиться некому. На последнем заседании было обидно и больно не только за предмет, а и за Россию вообще, которая будет отдавать своих детей в школы, где их будут обучать, что в России ничего не было, ни одного учреждения, что “заниматься”, конечно, можно чем угодно, но что настоящие исторические работы могут быть только по западноевропейской истории *etc*» (с. 129. См. также письмо № 77 Шереметьеву). Стоит отметить, что противостояние определялось не только мировоззренческими и научными факторами, но и вполне прозаичной борьбой за количество часов на те или иные предметы. Интересно, что сами «всеобщие» жаловались на

«византийщину» (курс истории Византии, который начал вводиться в университетах в последней четверти XIX в.) как на инструмент «вытравливания» западноевропейской истории⁶.

8 Заслуживают внимания и характеристики ряда уже известных или только начинавших историков. Например, С.Б. Веселовского. Из воспоминаний А.А. Зимина известно, что Греков его «боготворил (в душе)»⁷ и формирование этого особого отношения фиксирует переписка. В письме Шереметьеву от 24 декабря 1911 г. Греков характеризовал историка так: «Это вдумчивый, серьёзный человек и очень скромный» (с. 94), а в письме к А.С. Лаппо-Данилевскому от 31 декабря 1911 г. писал, что он «очень интересный человек» (с. 95).

9 Интересно в письмах представлена академическая география Российской империи. Выясняется, что Казань, когда у Грекова возникла возможность начать преподавать там, воспринималась им как место, где можно работать (с. 151), но, очевидно, хотелось бы большего. Петроград воспринимался как важнейший научный и культурный центр, который нужен «как (научная. – *В.Т.*) школа» (с. 158). Пермь, где Греков работал в 1916–1917 гг., предстаёт, с одной стороны, как научная провинция, но с другой – как место, где профессора и студенты выполняют важную культурную миссию. Уже в советское время в письме В.И. Шункову из Ташкента он противопоставлял ленинградцев и москвичей: «Из Ленинграда здесь Валк, Предтеченский и Романов. Работают хорошо, как подобает ленинградцам. Это совсем не значит, что москвичи не работают, но во 1-х не все, а во 2-х в Ленинграде уже такой рабочий дух завёлся, вероятно, от Петра, чего в Москве меньше» (с. 258). Интересно, что здесь мы сталкиваемся с классической для русской культуры дихотомией Москва–Петербург, проецировавшейся и на академическую среду⁸. Замечу, что проблема «ментальной» географии российской науки – тема почти не исследованная.

10 Февральскую революцию Греков встретил с восторгом: «Чувство большой тревоги за тех, кто взял на себя большое и ответственное дело, постепенно сменяется уверенностью в благополучном исходе борьбы, восхищением перед мужеством и умением ориентироваться в сложной обстановке, радостью, большой невыразимой радостью за успех и гордость за русского человека. Слава Богу!!» (с. 183. Письмо № 141 от 4 марта 1917 г. Петрушевскому). Впрочем, эйфория быстро прошла, и со всей остротой встали вопросы выживания в революционную эпоху. В письме Платонову из Перми от 23 февраля 1918 г. находим: «Слава Богу, питаться есть чем. Думаю о тех, кто сейчас в Петрограде, и больно за них» (с. 187). Письма № 148–154 пополняют знания о работе Грекова в Симферопольском университете в 1918–1921 гг.⁹

11 1920-е гг. представлены в издании довольно скупо, зато писем следующего десятилетия куда больше. В 1933–1934 гг. можно отметить высокую плотность переписки с Петрушевским. Заметно, что контакты между двумя историками усилились. Именно Петрушевский рекомендовал АН СССР кандидатуру Грекова в качестве члена-корреспондента (с. 344–345. Приложение. Док. № 6). Это время стало переломным для главного героя книги, поскольку именно тогда он представил концепцию феодализма в Киевской Руси, сделавшую его ведущим советским историком, а вскоре и важным администратором от науки.

12 В письмах раскрываются черты его характера. Из письма Петрушевскому от 12 февраля 1933 г. можно узнать, что Грекова не привлекала педагогическая и административная деятельность в вузе. Он отдавал предпочтение научно-исследовательской работе (с. 211).

13 Великая Отечественная война привела к увеличению количества писем, поскольку эвакуация в Ташкент потребовала поддерживать связь с коллегами. Письма военной поры, пожалуй, самые интересные в издании. В них – подробности работы учёных в эвакуации, описание внутренних взаимоотношений внутри корпорации. Даже если судить только по ним, очевиден рост числа дискуссий в исторической науке. Это можно связать с поиском советской элитой нового образа прошлого, обусловленного текущими идеологическими

потребностями. Историки играли в этом процессе ведущую роль, откликаясь на не всегда ясные установки верхов и предлагая свои версии «полезного прошлого».

14 Послевоенные годы стали zenитом карьеры Грекова, но в выявленных письмах они отражены скупо. Между тем это было непростое время, на которое пришлась целая серия идеологических кампаний, затронувших и научный мир. Надо отдать учёному должное: он старался выполнять предписания организаторов погромов формально, что помогало сглаживать последствия репрессий. Так, опубликовано письмо учёному секретарю АН СССР А.В. Топчиеву, в котором Греков заступался за подвергшихся проработкам сотрудников Института истории: С.Б. Кана, Л.И. Зубока и Э.Б. Генкину (док. № 281). Наиболее информативной частью послевоенной корреспонденции можно считать письма И.И. Смирнову.

15 Издание сопровождается обширными приложениями. Публикацию ряда из них следует одобрить. В первую очередь это касается характеристик Грекова, данных Петрушевским и С.Г. Томсинским при выдвижении его в члены-корреспонденты АН СССР в 1934 г. Большой интерес представляют рецензии Грекова на труды других историков и ранее не публиковавшиеся тексты его выступлений и небольших статей.

16 В то же время вряд ли удачно решение напечатать тексты выступлений Грекова в Институте красной профессуры в 1937 г., на заседаниях Учёного совета Института истории АН СССР, посвящённых борьбе с «буржуазным объективизмом» (1948) и «безродным космополитизмом» (1949). В последнем случае, кстати, представлены и выступления других историков: С.В. Бахрушина, А.Л. Сидорова, Н.А. Машкина. Выхваченные из контекста, они вряд ли они могут послужить информативным и надёжным источником понимания феномена идеологических кампаний «позднего сталинизма».

17 Любопытна подборка «Историки о Б.Д. Грекове», в которой помещены тексты уже упомянутого доклада Смирнова «Б.Д. Греков как историк». Интересен и впервые опубликованный фрагмент воспоминаний, написанных Сидоровым. В этой связи хотелось бы пожелать, чтобы до сих пор неопубликованные мемуары последнего в скором времени вышли в свет в полном виде.

18 Завершая обзор, отмечу, что книгу предваряет написанный Бухертом большой очерк жизни и научного творчества учёного, в основном учитывающий новейшую историографическую литературу по теме. Однако полноценной научной биографии Грекова историческая наука пока не имеет. Стимулирует ли это издание её написание? Очень хочется на это надеяться.

Remarks:

1. Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.
2. Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Сост. В.Г. Бухерт. М., 2018.
3. Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост., предисл. и примеч. А.И. Клюева, О.В. Метель; науч. ред. С.Б. Крих. Омск, 2018. С. 39–40.
4. О феномене патронажа, его роли и механизмах функционирования в среде историков первой четверти, и особенно роли Шереметьева, см.: Kaplan V. Historians and historical societies in the public life of Imperial Russia. Bloomington (Ind.), 2017.
5. Подробнее см.: Горская Н.А. Указ. соч. С. 34–39.
6. Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. 131–132.
7. Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 152.
8. См.: Тихонов В.В. Московская и петербургская школы «русских историков» в контексте дихотомии «Москва–Петербург» (конец XIX – начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013. С. 344–378.
9. Подробнее об этом см.: Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1921): поиски и находки источникововеда.

References:

1. Gorskaya N.A. Boris Dmitrievich Grekov. M., 1999.
2. Perepiska N.M. i E.I. Druzhininykh s istorikami, literaturovedami, pisatelyami / Sost. V.G. Bukhert. M., 2018.
3. Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy / Sost., predisl. i primech. A.I. Klyueva, O.V. Metel'; nauch. red. S.B. Krikh. Omsk, 2018. S. 39–40.
4. Kaplan V. Historians and historical societies in the public life of Imperial Russia. Bloomington (Ind.), 2017.
5. Tsygankov D.A. Professor V.I. Ger'e i ego ucheniki. M., 2010. 131–132.
6. Zimin A.A. Khram nauki // Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroj poloviny XX veka. M., 2015. S. 152.
7. Tikhonov V.V. Moskovskaya i peterburgskaya shkoly «russkikh istorikov» v kontekste dikhotomii «Moskva–Peterburg» (konets XIX – nachalo XX v.) // Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manakh. 2012. M., 2013. S. 344–378.
8. Podrobnее ob ehtom sm.: Filimonov S.B. Intelligentsiya v Krymu (1917–1921): poiski i nakhodki istochnikoveda. Simferopol', 2006. S. 140–171.
9. Krivosheev Yu.V. Krym v zhizni i tvorchestve akademika B.D. Grekova // Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. 2017. № 7. S. 361–376.

«В великую книгу об истории нашей родины Б.Д. Греков вписал немало ярких страниц»

Тихонов Виталий Витальевич

*Институт российской истории РАН; Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 07.09.2020

Ссылка для цитирования:

Тихонов В. В. «В великую книгу об истории нашей родины Б.Д. Греков вписал немало ярких страниц» // Российская история. – 2020. – Выпуск 4 С. 214-218 . URL: <https://russian-history.ru/s086956870010789-8-1/> DOI: 10.31857/S086956870010789-8